

до⁷слов: „Глаголет бо в писании: про- (Ч, VIII)“, и, не дописав слова „просите“, перескочил глазами на текст, начинающийся словом этого же корня: „просящему у тебе даи, толкущему отверзи, да не лишен будещи царствия небесного; писано бо есть: возверзи на господа печал свою, и тои тя препитает во веки (Ч, XVII)“. Все находящееся между этими двумя текстами оказалось пропущенным. По второй редакции в издании Н. Н. Зарубина это — часть параграфа VII, параграфы VIII—XVI и начало параграфа XVII. В рукописи этот текст занимал несколько листов.

Писец сразу же заметил свою ошибку и стал восстанавливать пропущенные им афоризмы, помещая их после текста, в котором механически слиты первая часть параграфа VII и вторая часть параграфа XVII. Но в самом начале этой работы его постигла новая неудача. Восстанавливая текст: „Аз бо есмь, княже господине, аки трава блещена, растяще на застении, на нюже ни солнце сияет, ни дождь идет; тако... (Ч, X; А, VII)“, он вновь допустил механический пропуск, скользнув глазами через несколько строк, и, найдя текст, начинающийся словом „так“, дописал: „и аз всем(и) обидим есмь, зане огражен есмь страхом грозы твоеа, яко оплотом (Т) твердым (Ч, XII; А, VII)“. Получился новый текст, которого не было ни в протографе первой редакции, ни в списках второй редакции.

Затем писец восстановил текст, начинающийся словами „Но не възри на мя, господине, аки волк на ягня (Ч, XVI; А, VIII)“, и текст „Зане, господине, богат мужь везде знаем есть... (Ч, XIII; А, XIII)“.

Заметив, очевидно при проверке написанного, второй пропуск, он решил исправить свою ошибку и восстановил конец пропущенного текста: „Аз бо есмь, княже, ако древо при пути: мнозии бо посекают его и на огонь мечють; тако и аз всем(и) обидим есмь, зане огражен есмь страхом грозы твоеа (Ч, XII; А, XV)“. Так образовалось в дошедших до нас списках „Слова“ первой редакции повторение текста: „так и аз всем(и) обидим есмь, зане огражен есмь страхом грозы твоеа (А, VII и XV)“.

Затем переписчик восстановил весь остальной текст, выпавший при первом большом пропуске: „Княже мои, господине! Яви ми зрак лица своего... (Ч, XV; А, XIX)“; „Да не будет, княже мои, господине, рука твоа согбена на подание убогим (Ч, XVII; А, XXI)“; „Господине мои! Не зри внешняя моя, но возри внутренняя моа... (Ч, XIV; А, XXVIII)“. Одним словом, все выпавшие при первом пропуске места писцом были восстановлены. Остались не восстановленными только выпавшие при вторичной ошибке писца часть афоризма „Аз бо есмь, княже господине, аки трава блещена, растяще на застении“ и афоризм „Вси напищаются от обилия дому твоего“, о которых можно судить по спискам второй редакции.

Эти факты интересны сами по себе, так как они характеризуют степень сохранности текста „Слова“. Но не только в этом их значение. Косвенно они приводят к более ценным наблюдениям. Дело в том, что тексту, выпавшему при первой ошибке переписчика протографа списков „Слова“, в „Молении“ соответствует текст, в который входит упоминание имени князя. После слов: „«просите и примите»; Давид рече: «не сут речи, ни словеса, их же не слышатся гласи их»“, — бесспорно бывших в протографе списков „Слова“, так как именно первый слог слова „просите“ — „про-“ — и был начальной гранью выпавшего текста, — в „Молении“ идут следующие два параграфа: „Мы же не умолчим, но возглаголем к господину своему всемилостивому князю Ярославу Всеволодичю“ и „Княже мои, господине! Помяни мя во княжении своем,